

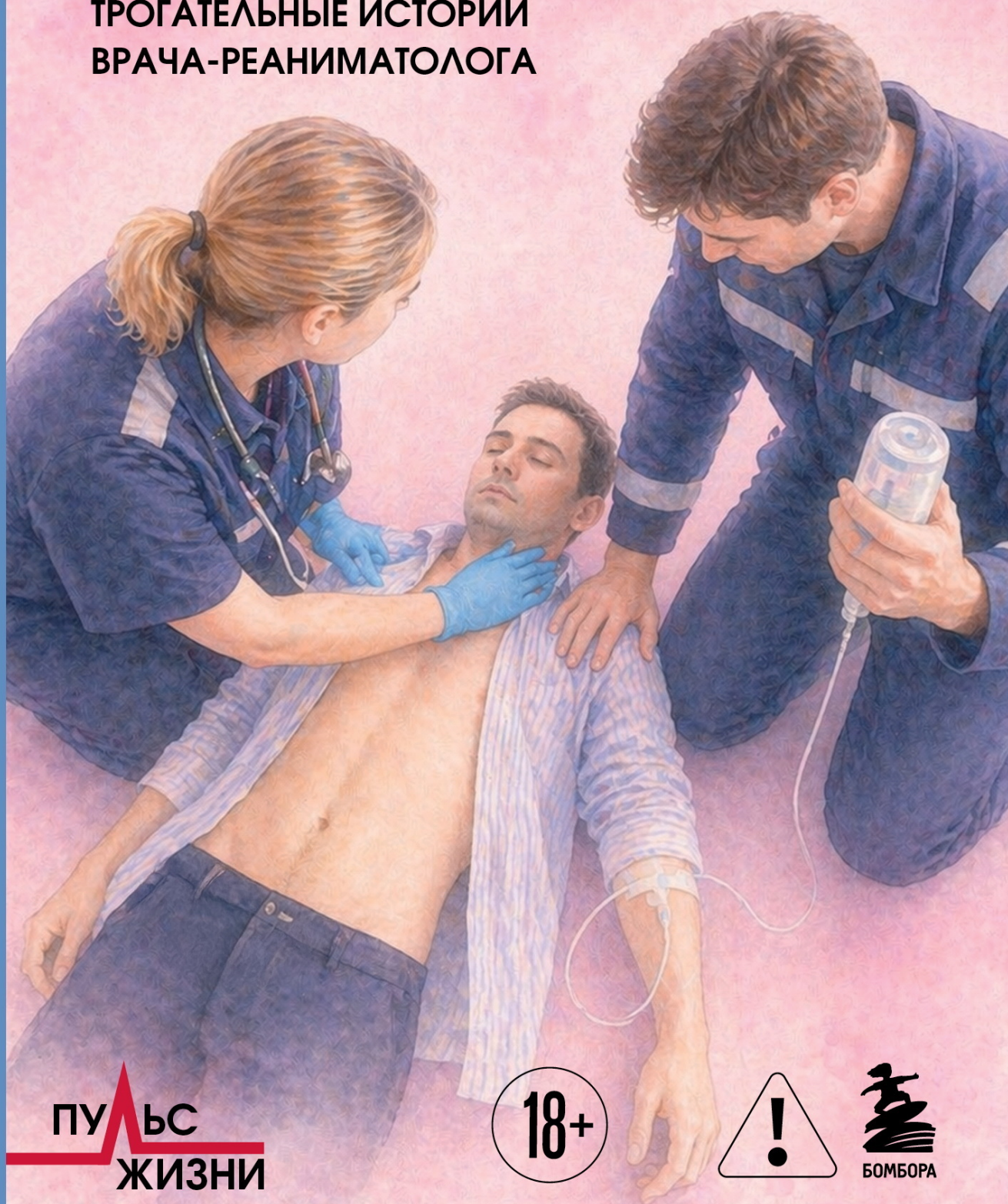
ФИНАЛИСТ
ЗДРАВОВОМЫСЛИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

АРИНА КОПТЯЕВА

**БОЛЬШЕ
ЧЕМ МЕДИЦИНА**

В РИТМЕ СКОРОЙ

**ТРОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ВРАЧА-РЕАНИМАТОЛОГА**

**ПУЛЬС
ЖИЗНИ**

18+

БОМБОРА

Пульс жизни. Непридуманнные истории о буднях медиков

Арина Коптяева

**В ритме скорой. Трогательные
истории врача-реаниматолога**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коптяева А. А.

В ритме скорой. Трогательные истории врача-реаниматолога
/ А. А. Коптяева — «Эксмо», 2026 — (Пульс жизни.
Непридуманные истории о буднях медиков)

ISBN 978-5-04-248246-5

«Наденьте бахилы, у нас ковры!» Часто ли вы говорите такое врачу скорой, у которого каждая минута на счету и подобные требования могут стоить жизни. Этот сборник рассказов – возможность увидеть изнанку работы тех, кто первым приходит на помощь. Вы поймете, почему иногда врачи не спешат и почему чистота ковролина никогда не будет важнее жизни. Это острый дневник скоропомощника, где диван в хрущёвке превращается в операционную, а «воскрешение» происходит прямо у порога на глазах у изумленной жены. Сцены, от которых захватывает дух и которые переворачивают представления о спасении. И в следующий раз, когда увидите машину скорой, вы будете смотреть на нее совсем другими глазами.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248246-5

© Коптяева А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	7
Успешный успех	8
Убийца страхов или послушная девочка?	10
Первый	12
Химия	14
Попутчица-болгарка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Арина Коптяева

В ритме скорой. Трогательные истории врача-реаниматолога

Серия «Пuls жизни. Непридуманные истории о буднях медиков»

В коллаже на обложки использована фотография:

PintoArt / Shutterstock / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

БОМБОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Коптяева А.А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дорогой читатель!

Я не хочу задерживать тебя здесь, растекаясь мыслью по древу. Лишь скажу, что посвящаю эту книгу своему первому учителю – Людмиле Токарской. Человеку, научившему меня многому: дружить, трудиться, уважать театр. Мы писали изложения и сочинения безостановочно, будто самый последний троечник класса планировал поступать на филфак. Я уже окончила школу, когда учительница попала в больницу. После операции позвонила мне. Ожидала услышать жалобы, но Людмила Ивановна прошептала в трубку:

– Знаешь, я влюбилась в своего хирурга. Стань хирургом, а?

Больше мы не общались. Через пару месяцев наша классная руководительница скончалась. Хирургом я не стала. Но на операции без меня все равно не обойтись. И именно потому, что русский и литература для меня – почти священные предметы, я, доктор, и написала эту книгу.

Список сокращений

ИВЛ – искусственная вентиляция легких

СЛР – сердечно-легочная реанимация

ОНМК – острое нарушение мозгового кровообращения

БСМП – больница скорой медицинской помощи

ОРВИ – острая респираторно-вирусная инфекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

ЭКГ – электрокардиограмма

СМП – скорая медицинская помощь

НИИАП – научно-исследовательский институт акушерства и педиатрии

МРТ – магнитно-резонансная томография

ФАП – фельдшерско-акушерский пункт

ТЭЦ – теплоэлектроцентраль

НПВС – нестероидное противовоспалительное средство

ХОБЛ – хроническая обструктивная болезнь легких

ИБС – ишемическая болезнь сердца

Глава первая

Вызов

«Если человек чего-то хочет, судьба и случай всегда придут к нему на помощь».

Не знаю, кто это сказал, но мой классный руководитель часто цитировала эти строчки. Не забывая при этом напомнить о необходимости постоянного труда.

Успешный успех

Весенняя листва бросала кружево легких теней во двор старой хрущевки на Стачках. Подъехав к нужному подъезду, мы поспешно вышли из машины. Дверь по домофону отворили быстро. Нам – на пятый. Пешком. Я, гремя чемоданом и шагая через две ступеньки, – впереди. Борисовна, с одышкой курильщика, неспешно поднималась следом. Вот она – открытая дверь в конце лестничной клетки. Крючок для сумок, не раз крашенный косяк... Как правило, обитатели таких квартир – пожилые. Вхожу без стука. На диване – бледный дедуля, рядом – встревоженная жена. Содержимое старого, с треснувшими, перемотанными лейкопластырем ручками, чемодана разбросано среди тарелок, ампул, флаконов, окровавленной ваты, катетеров. Над всем возвышается швабра, играющая роль штатива. Взмокшая фельдшер устало сообщает:

– Инфаркт. Вен нет. Давления нет. Уже всего перетыкала.

– А чего же не сразу реанимацию, Олечка? – шумно вздыхает мой наконец-то финишировавший кардиолог. – Делать нечего. Будем лечить. А ты поезжай.

Надеваю перчатки. Набрасываю электроды кардиографа. Лепетавший что-то пациент издает громкий, чуть подбросивший его грудь «ик». И... прощается с сознанием.

– Фибрилльнул!¹ – бросается к грудной клетке доктор. – Реанимацию вызывай.

– Ирина Борисовна, я за дефибриллятором. По дороге позвоню, – пулей вылетаю из квартиры в надежде, что дядя Коля не отъехал далеко от подъезда. Вслед летит недовольное от хозяйки:

– Ну ничего сделать не могут. Никто! Никто не спасет.

Несусь по ступеням подъезда, наплевав, что грязный поручень наверняка испачкает руку. А в голове мелькает: а ведь мне еще обратно бежать с двумя тяжелыми сумками. Вспоминаю злобные слова бабуся. Злюсь. Но не сбавляю темп. Нужно выиграть эту схватку. Ну пожалуйста!

Наша машина. Дверь. Сумка. Амбу. Дефибриллятор² с кислородом тоже возьму. И снова – вверх. Только теперь даже за поручень не могу держаться. Руки оттягивает ноша. Спасительные «утюжки» дефибриллятора размером со спину, подбадривая, будто тренер на марафоне, постукивают по заднице.

Заскакиваю в квартиру, спотыкаясь о грудку половичков. Кидаю сумки. Подбегаю к уставшему доктору. Ее окуляры почти сползли на нижнюю губу. Не замечая этого, она продолжает реанимировать дедулю.

– Нам бы на пол его как-то...

– Но как? Здоровый же! Не перетащим, – сипит Борисовна.

Дефибриллятор сообщает, что готов. Прикладываю электроды к груди. На ленте – фибрилляция желудочков.

– Ну на диване, так на диване, – соглашаюсь.

Розовая кнопка с молнией – заряд. Тут, как и показывают в кино, все просто: чтобы «выстрелить», нужно зарядить «пистолет». «Аксион», словно старая игровая приставка, пиликает, что старается изо всех сил и вот-вот можно начинать.

– Отошли все! – команду с кардиологическим «оружием» в руках.

Доктор сдула прилипшую ко лбу челку. Бабка прикрыла рот рукой и ахнула. А я только успела подумать: «Ну, слава богу, удивили старушку».

¹ Фибрилльнул – «заработал» фатальную аритмию – фибрилляцию желудочков, которая лечится исключительно с помощью дефибриллятора, а при несвоевременном лечении приводит к смерти.

² Дефибриллятор – устройство, использующее энергию электрического тока для лечения тяжелых нарушений ритма.

Разряд. Ничего такого, что обычно показывают в фильмах. Дедушку не подкинуло до потолка. Он не сбил ногой подвески на люстре. И даже в небе не грянул гром. В тот, мой первый опыт работы с этим «зверем», почувствовала лишь легкую отдачу в кисть. Такая бывает, когда стреляешь из пистолета. По дедушке пробежала дрожь. Спасительный ток нужной фазы и силы вернул сердцу правильный ритм. Мужчина открыл глаза. А я ошалела. Как и напарница с бабулей. И кто сильнее из нас, уже не вспомнить. Зачем-то схватила папку с картами и, точно опахалом, стала обмахивать ожившего старичка. На вопросе «Как дела?» дверь распахнулась, впустив реаниматологов.

Слушая наш фееричный рассказ, бригада катетеризировала вену. А я улыбалась. Для меня, 20-летней, только-только окончившей медколледж, это первый подобный вызов. Я понятия не имела о «воскрешении» на диване и что такое редко заканчивается благополучно. Даже если успеть привезти пациента в стационар, частенько люди умирают в эти же сутки. Но тогда мне и не нужно было знать всего этого. Главное – я выиграла битву за жизнь. И это, словно восточка с неба, окрылило, чтобы лечить и спасать.

Уходя, подмигнула не верившей в докторов хозяйке: «Ясно тебе? А мы смерть все же победили».

Собрав скарб, опустошенные, но гордые собой, не спеша спускались вниз. А двор, словно ничего и не произошло, жил размеренной жизнью. Шумели листья, бегали дети, дилинькали домофоны. Ирина Борисовна закурила. А я, опустившись на сиденье, переваривала случившееся. И ощущала свою нужность.

– Знаешь, сколько лет работаю, а дефибрилятора до сих пор боюсь, – внезапно призналась Борисовна. – У меня всегда фельдшера «стреляли». А ты молодец, котик. Надо тебе идти в реанимацию. Ты же планируешь дальше поступать?

– В этом году провалила. Но в следующем попробую еще. Говорят, работа дает дополнительные баллы.

Молчали. Когда сигарета погасла, Борисовна захлопнула дверь. А диспетчер по рации дал добро вернуться на станцию.

Дедулю же, чуть не угодившего на Небеса, госпитализировали в кардиологию. Откуда он благополучно выписался, вопреки неизвестной мне тогда статистике. Борисовна потом не раз приезжала к нему. Но уже без меня. И, сменив гнев на милость в благодарность за чудесное спасение, бабушка даже угощала ее чаем.

Убийца страхов или послушная девочка?

Мое желание связать жизнь с медициной было спонтанным и сложно объяснимым. Оно появилось в классе девятом. Отдаленное отношение к медицине в семье имела только мама, учитель биологии. Впрочем, область ее познаний заканчивалась умением делать внутримышечные инъекции и воспоминаниями о препарировании червей в студенчестве. Она мечтала быть микробиологом, как героиня «Открытой книги». Того же хотела для меня.

У меня же на этот счет были свои мысли. Боюсь разочаровать, но мною двигало не великое желание спасти человечество и помогать миру. И даже не банальное, девчачье-легкомысленное «красивый белый халатик», а желание побороть собственные страхи. Именно в медицине надеялась отыскать противоядие для них.

Как многие дети, я провожала взглядом кареты скорой помощи, с окнами, скрытыми от посторонних глаз, словно под жалюзи, белыми полосками. Вечно казалось, что в этой важной машине либо кто-то уже умер, либо очень близок к отправке на тот свет. И это придавало автомобилю с красным крестом особую тайну и значимость.

Когда мне было лет пять-шесть, мы с папой ехали на его оранжевой «Ниве». И вдруг закончился бензин – обычное дело для 90-х. До заправки далеко. Надежда – только на проезжавшие машины. Вдруг кто-то поделится топливом? Выйдя на обочину, папа пытался остановить хоть кого-то. К удивлению, тормознула скорая. Водитель, заправив нас, уехал, не взяв с папы ни копейки.

В наши дни эту картину непременно засняли бы на телефон и выложили в Сеть. Что началось бы в комментариях, можно представить. В чем только сейчас медиков не обвиняют! Но тогда ничего подобного, к счастью, не было. Да и репутация у скорой была такая, что уважали даже бандиты в пресловутых малиновых пиджаках.

Водитель уехал, а я сидела и восхищалась. Не отпускала мысль, что, если уж скорая спасает, то спасает всех и всегда. В любых обстоятельствах.

Впрочем, то детское восхищение лет через 10–15 развеялось без следа. Работая на скорой, узнала, что в те самые 90-е оставшийся от суточной нормы бензин водители беззастенчиво сливали для собственных «Москвичей» и «Запорожцев», щедро делились (а иногда и продавали) с соседями, друзьями.

– Да, Арина, бензина было хоть этой самой... ну ты поняла, ешь. Главное в водителе – чтобы сосать умел. Ну в смысле... бензин из бака, – хохотал беззубый шофер. – Через шланг, аккуратно. Чтоб не хлебнул нечаянно и не отравился.

Развеялся и миф о том, что каждый вызов – непременно спасение жизни. Поводы, по которым люди набирали «03», если честно, изумляли. Умирал далеко не каждый. Кому-то банально хотелось выговориться, кто-то с пустяковой температурой воображал себя на смертном одре. А к кому-то и вовсе «белочка» приходила. Так что нам приходилось не только реанимировать, но успокаивать пациентов, читать лекции о всяких болячках, объяснять, как их лечить. А иной раз, чтобы излишне назойливые бабули или маниакально подозрительные мамы отстали, – разыгрывать целые спектакли.

Но обо все этом я узнала много позже. Когда стойкий образ врача-спасателя уже сформировался, и ничто не могло повлиять на мой выбор. К слову, сериалы о скорой тогда были очень популярны, меня же увлекала «Криминальная Россия» и Леонид Каневский. У экрана просиживала не зря. Информация из этих передач потом пригодилась.

Поступать в университет сразу после школы семейный совет решительно не рекомендовал. Объясняли это якобы слабой подготовкой по профильным предметам и расхожим мнением «шо там все куплено на 20 лет вперед». Как послушный ребенок, окончив одиннадцатый класс, я забросила танцы и поступила не в вуз, а в медколледж. Правда, на самый престижный

факультет. Чтобы получить диплом «маленького врача», как называют часто фельдшеров, училась четыре года. Специалист получался – чуть ли не на все руки мастер. И на скорой можно работать, и в сельском фельдшерско-акушерском пункте, и в поликлинике. Однако не многих такой выбор привлекал, поэтому ребята переучивались на медсестер, получали дипломы массажистов, косметологов. Или вообще забывали о медицине.

Но у меня свои принципы. Если выучилась на фельдшера, надо им и работать. Иначе зачем все это? Бессонные ночи. Десятки прочитанных книг и методичек. Горы конспектов. Скоропомощная практика. Красный диплом, наконец.

Было ли мне страшно начинать? Конечно. Ведь мне доверяли самое дорогое: жизнь. Это и страшно, и удивительно. Подумать только! Еду в машине с серьезным названием «Реанимация», а учителя, привыкшие видеть меня на сцене в народном костюме, многозначительно кивают друг другу: «Ну надо же! Кто бы мог подумать?!»

Ни одного дня не пожалела о том своем решении. Ни разу не сошла с дороги, что привела меня в медицину. Скорая помощь стала проводником во взрослую жизнь.

Первый

Все первое надолго остается в памяти. Первый звонок, первый поцелуй, первое свидание, первые роды. Однако первое не всегда прекрасно. Иногда – совсем наоборот. Но из-за новизны происходящего, из-за бури эмоций мы проносим память об этом событии сквозь годы.

Мой первый самостоятельный вызов был ужасен. Нет, к счастью, никто не умер. Но переживаний и негатива хватало. Кошмар начался с того, что суточное дежурство на скорой было всего четвертым по счету. То есть три раза после получения диплома успела поработать с опытным врачом, а на четвертый предстояло делом доказать, что не зря ношу белый халат.

Перепрыгивая лужи, я в драных джинсах вбежала во двор подстанции. На крыльце, упершись седой головой в деревянную балку навеса, курил диспетчер:

- Ты сегодня сама, девонька.
- В смысле – сама? – переспрашиваю, надеясь, что это шутка.
- Одна стоишь по бригаде, – пуская ядовитые клубы, подтвердил дядечка.

Моя улыбка сползла, а глаза округлились. Да, была солидная студенческая практика. Я хваталась абсолютно за все. И очень много дежурила. Но хватит ли этого опыта? А если кого-нибудь убью?

- А что мне делать, если я... не буду знать, что делать?
- Бушь звонить на станцию, – ухмыльнувшись, похромал с крыльца диспетчер.

Первый вызов и сразу серьезный: 58 лет, отнимаются руки. Явно не постоянный клиент подстанции, как бабушки с давлением или температуращие дети. Пациентка оказалась той еще дамочкой. Встретила меня на кровати громкими жалобами на неработающие руки и ноги. Театрально закатывала глаза и пыталась припугнуть какими-то там высокими чинами.

– У меня инсульт. Делайте что-нибудь! Во рту сушит. Сознание теряю. Зачем вы меряете давление? Я и так скажу, что оно нормальное, – раздраженно комментировала мои действия больная. Давление и правда оказалось в норме. Проверив неврологические симптомы, заподозрила инсульт. Вспомнив, что можно позвонить на станцию, набираю знакомый номер. Коллеги предложили отвезти ее в неврологию с диагнозом «острое нарушение мозгового кровообращения». Именно его в народе называют инсультом. Однако дама упорно сопротивлялась, не желая ехать в больницу. В итоге смирилась и даже перестала перечить мне по поводу и без.

Сделав укол, стала думать, как транспортировать барышню до машины. Сама она идти не могла, мужчин рядом не было. Не иначе чудом спустили ее с девятого этажа и погрузили в карету. Казалось, сейчас сдам мадам из рук в руки, и на этом все. Но нет. В неврологии врач не обнаружила признаков инсульта и заявила:

- Везите ее в терапию по району.

Оглушенная услышанным, я не стала возражать, и мы послушно поехали. Снова больница и мой рассказ о ситуации по новой. Терапевт, пригласив кардиолога, оценила состояние пациентки. Я смотрела на нее глазами кота из «Шрека» и беззвучно молила о пощаде. Хотелось плакать от измучивших меня проклятий и угроз написать жалобу в горздрав. Характер у больной оказался скверным. Доктор терпеливо расспрашивала тетечку. На словах о сахарном диабете повернулась ко мне и раздраженно спросила:

- А вы сахар меряли?

У меня отвисла челюсть. В мыслях мгновенно открылась книга по терапии с признаками сниженного уровня глюкозы в крови: агрессивное поведение, нарушение чувствительности, клиника, схожая с клиникой инсульта.

- Нееееет, – виновато просипела я.
- Почему вы не сказали, что у вас диабет? – повернулась я к пациентке, которой уже мерили глюкозу. Приподняв синюю татуажную бровь, та сквозь зубы выдавила:

– А вы не спрашивали.

Да, не спрашивала. Мой встроенный в память чек-лист оказался разорван в клочья эмоциональным напором пациентки, поставленными за меня диагнозами и настойчивыми советами к действию. Сказались растерянность и отсутствие опыта. Но спустя время я была так благодарна тому вызову! Та ситуация научила меня трем важным вещам:

- проводить максимально доступную дифференциальную диагностику;
- отделять эмоции пациента от своего клинического мышления;
- тщательно собирать анамнез.

...Мой первый вызов все-таки завершился. После введения спасительного раствора, признаки инсульта у дамы улетучились. Жалобы на подстанцию не поступило, и с той женщиной я больше не встречалась. Надеюсь, она жива. И, как знать, возможно, этот случай ее тоже чему-то научил.

Химия

Я вошла в гостинку на первом этаже старенькой пятиэтажки. Чувствовался холостяцкий дух. Единственное окно, и без того затемненное густой листвой, занавешено шторой. Впрочем, кажется, в этом качестве владелец весьма аскетичного жилища использовал старый плед. В полумраке на не раз крашеном полу лежал полуживой мужчина. Для весны на нем слишком много одежды. Такая многослойность, когда речь идет о минутах, отведенных на спасение человека, всегда расстраивает врачей. Как добраться, положим, к вене?

Вид пациента очень плох. Засомневалась: можно ли вообще ему хоть чем-то помочь? Но и смотреть, как он умирает, не собиралась. Кинулась к машине за оборудованием и вызовом подмоги. Вездесущие бабушки на лавочке объяснили, что умирающий – местный дворник и по совместительству алкаш. Да, с таким анамнезом, неудивительно случайно начать умирать. Заскочив обратно в квартиру, начала реанимацию. Подопечный к тому моменту уже не дышал.

Мало того, что делать это в одиночку всегда тяжело, я к тому же сильно переживала: опыта маловато. Задрать рукава трех свитеров, чтобы подколоть вену, оказалось весьма непросто. Решила начинать без введения адреналина. С силой давила руками на грудину. Для искусственного дыхания использовала Амбушку³ – так называется специальный медицинский инструмент, придуманный по принципу мехов для розжига камина. С его помощью и хотелось сейчас зажечь жизнь в этом исхудавшем, отравленном алкоголем теле. Я давила и давила, чувствуя, как пот стекает в перчатки. Кто хоть раз делал непрямой массаж сердца, понимает, о чем речь. Процедура изматывающая до такой степени, что кажется, жизнь от доктора перетекает к его пациенту. И хотя моих сил оставалось все меньше, дворник не оживал. Словно смерть терпеливо ждала, пока я наиграюсь, чтобы забрать свою жертву.

Краем уха слышала, как входная дверь несколько раз приоткрывалась и кто-то заглядывал к нам. Каждый раз надеялась, что это реанимационная бригада, вызванная в помощь. Но нет, не они. В таких ситуациях коллеги не робеют и не деликатничают, спрашивая разрешения войти. Когда в очередной раз дверь приоткрылась, я обернулась. И встретила глазами с той, чьи черты показались знакомыми. Но вспоминать было некогда.

– Закрывать дверь! – скомандовала я.

Высокая блондинка средних лет без макияжа послушалась. А я вспомнила! Вспомнила ее! В школе это анемично-бледное лицо и такие же светлые завитки волос с задней парты мне казались единым пятном. Неизменная серая юбка миди и балетки отнюдь не золушкиного размера. Учительница химии! Я не особо любила ее предмет. Все эти альдегиды, радикалы, немые колбы меня не привлекали. Не привлекал и сам педагог.

Один случай врезался в память. Когда я решила, что свяжу жизнь с медициной, некоторые посчитали это блажью и сумасшествием. Ведь я ассоциировалась исключительно со сценой. И когда в очередной раз мне не покорилась какая-то химическая задача, учительница перед всем классом заявила:

– Позорить меня собралась в медицинском колледже?

Я не сильно понимала, как будет выглядеть этот позор. Представляла, что убиваю человека из-за незнания формулы какого-нибудь углеводорода. И моя училка выступает в суде с обвинением. Если честно, обижаться на нее было нечестно. Из уважения к моей классной руководительнице она все же поставила мне четверку, чтобы не портить аттестат. Хотя я такую оценку, разумеется, не заслуживала. Но поняла я это позже. А тогда сильно обиделась из-за ее слов.

³ Амбушка – название мешка Амбу на сленге медиков – изделие для механической искусственной вентиляции легких.

И вот теперь мы встретились. Внезапно и на мгновение. Узнала ли она меня? Считала ли по-прежнему позором? Или, наоборот, уважала? Впрочем, эти вопросы в тот момент не занимали меня. Я отчаянно ждала реанимацию. Когда наконец коллеги прибыли, передала им пациента.

Спасли ли мужчину доктора? Не знаю. Как не узнала, что же все-таки подумала учительница обо мне? Может, обвинила в смерти:

– Убила дворника! Как химию учила, так и людей спасает.

Кто знает. Однако жизнь иной раз весьма забавно иронизирует, пересекая наши пути.

Попутчица-болгарка

Августовский зной невыносим. Моя левая, вечно торчащая из окна «газели» рука загорела так, словно принадлежала африканцу. Горячий ветер не освежал. Скорее намекал, что лучше бы не только вентиляторам, но и людям перейти в режим энергосбережения. Сопrotивляться погоде бесполезно. Оставалось лишь дремать, представляя себя не в раскаленной кабине на суточном дежурстве, а на пляже, где ты так пригрелся, что лень дойти до воды.

Мы с водителем – дедом Мишей – после госпитализации очередного больного медленно подкатывали к точке отзвона – условно-оговоренного места, где ты берешь рацию, чистую карту и готов писать новый вызов. Несмотря на потрескавшиеся буквы, надпись «Реанимация» выглядела солидно. И даже грозно. В отличие от наполнения автомобиля скорой: дед-пенсионер с лысиной и молодая фельдшер, которая трясется, как чихуа-хуа на морозе, в ожидании, что машину остановят по пути на страшное ДТП с оторванной головой.

В регионах в условиях тотального дефицита спецтранспорта ездили на том, что дадут. Оставалось радоваться, когда это «что-то» – не узик. Машины списывались из областных больниц и передавались скорой города в дар. Прежние надписи, естественно, никто не убирал.

Дед припарковал карету и открыл дверь. А вот я глаз открыть не могла. Пот стекал по спине, рабочие штаны из противного дешевого штапеля впитывали его, и сиденье тоже становилось мокрым. Казалось, если замереть неподвижно, то не так жарко. Однако громкий мужской крик вынудил покончить с этой медитацией.

– Реанимация, скорая, пожалуйста, туда! – тыкал пальцем на дорогу работяга в заляпанной маслом спецовке. Он практически залез в окно, хватая меня измазанными маслом руками. Мигом проснулась. Сердце тарахтело. Глаза пытались сфокусироваться.

– Туда! Туда! Поехали вниз! – не унимался мужик.

– Да что случилось? – встаю, стараясь придать голосу спокойствие. Куда-то тащиться так не хотелось! Однако придется.

– Вот, епт туды его нихай! – негодовал мой Михал Иваныч, съезжая по указанной траектории. Он кряхтел, проворачивая баранку, пока мы почти не уперлись в распахнутые двери автосервиса. На асфальте – человек. Голова и шея в окровавленных тряпках. Я выпрыгнула из машины, успокаивая себя тем, что больница скорой помощи в принципе недалеко. Главное, чтобы пострадавший был живой.

– Что случилось? – спрашиваю, опускаясь на колени и отрывая окровавленную ветошь от головы.

– Болгаркаааа, – просипел он, – диск сорвало.

Слава богу, жив! Хотя рана выглядела жутко. Пересекая косо шею и лицо, она начиналась где-то над кадыком, а заканчивалась на правой щеке. Хорошо хоть кровотечение остановилось. Пока искала бинты и обезбол, сердце колотилось как ненормальное. И тут замечаю отблески мигалок. Кажется, никогда так не радовалась появлению скорой. Зеваки, собравшиеся рядом с несчастным, мучили вопросами и доставали ненужными советами. Я держала марку и улыбалась. Но мне так нужна была помощь! И вот она здесь! Однако седовласый врач в очках и фельдшер, выйдя из машины, не торопились помогать. Тот, что постарше, затягиваясь сигаретой, смотрел, как я пытаюсь бинтовать рану. И вместо «здравствуйте» произнес:

– Ну раз ты уже тут, тогда и занимайся.

Я даже не успела открыть рот, чтобы ответить, как джентльмены уселись в свой экипаж и укатили. Обида душила меня. Как же ненавидела в тот момент тех двоих! Как они смели уехать?! Они же доктора! И к тому же мужчины! Однако рыдать и сетовать на несправедливость мира было решительно некогда. Бросилась звонить на скорую. В тот день дежурила старший врач – женщина-огонь. Я что-то мяукала в трубку, а она подбадривала:

– Так, никого никуда не вези! Фиг они угадали. Жди!

Ждать пришлось недолго. Через пять минут на расслабоне покинувшие «поле битвы» медики вернулись назад. Видимо, Татьяна Викторовна была весьма убедительна. Хотя и не исключаю, что аргументацию она подкрепляла крепкими словечками. К тому моменту я уже красиво забинтовала больного и обезболила. Так что коллегам и делать особо ничего не пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.